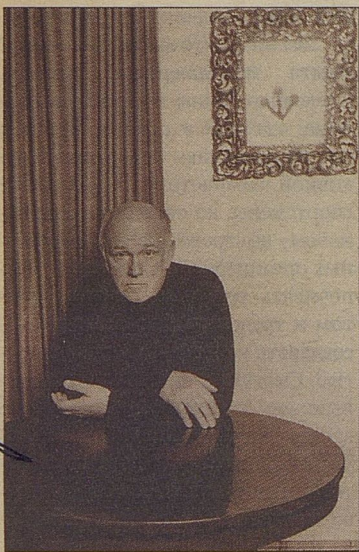
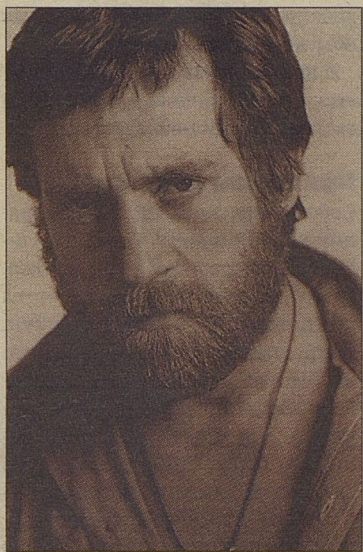

У ИЗВЕСТНОГО ФОТОГРАФА ВАЛЕРИЯ ПЛОТНИКОВА ОКАЗАЛОСЬ МНОЖЕСТВО НЕИЗВЕСТНЫХ ФОТОГРАФИЙ. ОНИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ В МУЗЕЕ ВЫСОЦКОГО

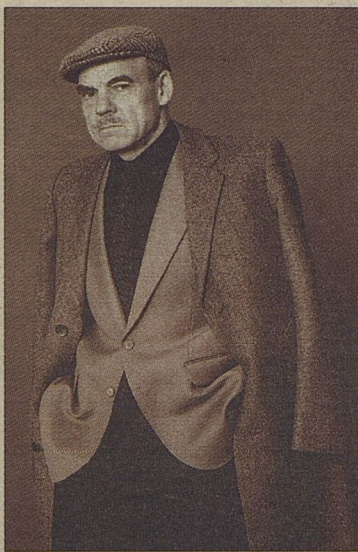
Моментально и навек

Святослав Рихтер. 1977

Владимир Высоцкий. 1976

Михаил Глузский. 1982

Юрий Богатырев. 1973

Анатолий Ромашин. 1974

СУДЬБА

Марина ТОКАРЕВА

Давай-ка для начала помой голову! — повелительно сказал Плотников и мягко подтолкнул звезду в направлении ванной. Когда Константин Райкин вышел с полотенцем на голове, студию заливал свет, над чаем висел пар, фотоаппарат в немом обещании глядел со штатива...

Мы пришли в петербургскую мастерскую после спектакля, почти ночью. Нужен был портрет для книжной обложки, и Плотников по телефону распорядился: «Привезите смокинг!»

Но парадный образ в планы не входил: для «снижения» захватили черную майку. Увидев ее в обрамлении шелковых обшлагов, мастер поморщился. Пошарил глазами по мастерской, извлек откуда-то широкополую шляпу: «Возьми в руку и забудь о ней!»

Беглый, пристальный взгляд охотника, серия дробных очередей фотоаппарата — и работа сделана. Я тогда впервые увидел: Плотников снимает, как стреляет: молниеносно и в яблочко. Едва касается взглядом лица, но в понимании натуры не ошибается. Через годы он мне расскажет, как сделал последний снимок Аркадия Райкина, в белом пиджаке со сбившейся бархатной бабочкой: едва не сорвав спектакль, в поту, заливающим глаза, под шипение окружающих «как вам не стыдно мучить великого артиста!»

Он сердится, когда его называют художником: «Я — фотограф!» Не претендующий на лавры чужого искусства, в своем ремесле он высокомерный вельможа. Сам, не дожидаясь званий и премий, создает свою табель о рангах. Сам назначает тех, кому пора и по праву. В его альбоме № 1 — четверть заказных работ. Остальные — запрос вечности. «Чистосердечная фотография, моментальная и навек» — такой подзаголовок Плотников дал этому альбому.

...Рихтера сотни раз снимали в концертном зале. Но для портрета крупным планом Плотникова пригласили домой.

— Мне нужны были только руки и лицо. Говорю: надо надеть черный свитер. Не могу, отвечает, он меня душит. Ну что взять с гения?! Он рассказывал, что не летает самолетами, потому что физически ощущает скорость. К счастью, вмешалась Нина Львовна...

Труднейшие «модели» — Мравинский и Антониони: полная закрытость, олимпийское безразличие.

В его умение входит не только снимать, но и — не снимать. Не стал фотографировать свадьбу эстрадных звезд, хотя просили лично. Не стал портретировать большого московского начальника, хотя нужно было «решать проблемы».

— Ну а если новый русский просит «сделать ему красиво»?

— Называю, зажимаю, цифру, несовместимую со здравым смыслом. В ответ слышу: а мы закладывали в два раза больше.

Страна происхождения

В «художке» при Академии битый всем классом за то, что всех победил в споре, во ВГИКе носивший ряску, на съемках скрывавшийся от солнца под кружевным зонтиком, Плотников будто эмигрировал в фотографию, шагнул за рамку. Его работы обогащала странная энергия опровержения. Они были не в масть, не в ритм советским временам: избыточная красота, неспешная подробность, культ старины.

«Ленинград — не название, а воровская кликуха. Рано или поздно город вновь станет Петербургом. Вот увидите: мое дело верное!» — уверял всех Плотников в начале 70-х, вызывая опасливые улыбки: «городской сумасшедший». За двадцать с лишним лет до торжества сомнительного пророчества Плотников взял себе псевдоним Петербургский.

— Ну что вы все талдычете: «Плотников, Плотников» — как-то попенял сотрудникам редактор известного всей стране журнала про кинематограф. — Есть в Ленинграде человек по фамилии Петербургский, снимает намного лучше!

Но оказалось, многие запомнили вызывающую смех фразу про «верное дело». И когда имя города вернулось, Плотников поздравлял: поздравляли, как с днем рождения.

«Я тоскую, как по дому!» — сказано про другой город, но именно

так тоскует Плотников по Петербургу, которого больше нет, — людям, которых он успел запомнить, легендам, которым захотел остаться верным...

Юность прошла с Сергеем Соловьевым, Михаилом Шемякиным, Львом Додиним. Миражи Серебряного века дразнили воображение. Врубело, Рахманинову, Блоку поклонялись, как трем богам. Однажды, бродя по петербургскому Ново-

В жизни горький ворчун и жестокий судья — в своих фотографиях Плотников безмятежен и щедр

девичьему кладбищу, обнаружили заброшенную могилу Врубеля, мраморное надгробие в щербинах и сколах.

Недавно Плотников нашел деньги, отреставрировал плиту, привел все вокруг в порядок.

Он помнит людей, которые раньше ходили по Невскому, их походку и шляпы, и то, как они склонялись к руке дам, их еще можно было встретить в Эрмитаже или Филармонии...

— Мне долго казалось: мои герои сидят дома, просто больше не выходят на улицу. А потом понял: никого нет за окнами. Город пуст.

И все-таки он вернулся в Петербург. Против часовой стрелки, жизненной логики, общего потока. Москва сегодня, считает он, советская власть в кубе.

— А советскую власть я всегда ненавидел. Раньше в столице было 14 «членовозов». У кандидатов в Политбюро четырехдверные, у членов Политбюро — шести. Теперь их в Москве не счесть, и реалии жизни те же самые.

Один из доводов для возвращения: столица переполнилась людьми, которым Плотников больше не подает руки.

Трудный человек. Уходил от женщин и со съемочных площадок — от Андрея Тарковского, от обоих Михалковых; даже с Сергеем Урусовским отказался работать, когда великий оператор собрался пробовать себя в режиссуре.

Плотников не прощает перемен, не боится ссор. Он умеет быть грубым, беспричинно требовательным.

Замечательную актрису, отпраздновавшую недавно юбилей, отмеченный визитом первого лица, не преминул укорить: зачем не сказалась больной, позволила использовать себя на глазах всей страны?

Актриса оправдывалась: петербургская вежливость, вечерний спектакль, семья, наконец... Бестактный Плотников отмахнулся: «А слова про настоящего мужика тебе тоже кремлевские написали?»

Только что издал альбом фотографий Высоцкого. Сделал его выставку. Работал, не разгибаясь, однажды оглянулся.

— Позвал на вернисаж друзей: у всех гранты, гарантии, поездки, приглашения. И вдруг увидел, как они потухли...

Музыка во льду

Петербург — город мистический. Возле дома на Невском, где десятилетиями проживал в коммуналке известный фотограф Плотников, сейчас памятник Неизвестному фотографу. Тому, кто, ловя в объектив чужой миг, поймал свой век: исчезнув, оставил в отпечатках образ времени.

«Я говорю за всю среду — мы были музыкой во льду...» — написал некогда Пастернак. Кажется, Плотников слышал эту музыку, чувствовал среду — и пытался растопить лед. Лучшие его снимки — вытаявшие следы переливчатой, многоцветной жизни.

Говорят, фотография, как вино: чем старше, тем лучше. Она фиксирует улыбку момента — и тем все возрастает в цене и смысле. Люди, которых снял Плотников, его слой, его галерея представлений. В жизни горький ворчун и жестокий судья — в своих фотографиях Плотников безмятежен и щедр. Желто-серая штрихованная стена, венские стулья — антураж мастерской. Снимок он ставит как спектакль мгновения; людей искусства помещает в искусственный свет, выбирает костюм,

фон, контекст. Любит старинные предметы, вещи с памятью. Иногда они заметнее на его фотографиях, чем лица. Если в них больше жизни.

Он снял тех, чья подлинность не нуждалась в фоне: Трифонова, Окуджаву, Иоселиани. И тех, кого точно вписал в интерьер, — Козинцева в доме среди книг и картин, Стурца в театре с живой чайкой на сцене. Алису Фрейндлих на теннисном корте среди одуванчиков, Ирину Купченко на съемках, среди вздыбленных деревьев. Марину Неелову на ажурной скамье, таинственную изящную незнакомку.

Все это праздники отражения. Он не стал живописцем, не стал оператором — стал одиночным борцом с некрасотой и забвением. Салонную съемку, столь модную в начале прошлого века, отточил до степеней волшебства. Взгляд Плотникова программно необъективен — вопреки объективу, «Хас-селблад» в его руках — инструмент преображения. Неправда жизни легализована в его фотографиях артистично и с размахом. Они всегда нравятся героям: отражают их тайное представление о себе. Запомните нас такими, словно бы говорят его персонажи.

Порой он снимает декоративно и пышно, на грани манерного. Но на иных лицах многое видно — амбиции, самодовольство, бушующая пустота. Камера заглядывает за поверхность, но не всем это дано замечать. Собратья, востребованные глянцево, посмеиваются: мы, престижные фотографы, как официанты — что закажут, то и подадим!

— Я не официант! — роняет Плотников.

Жить независимо означает и независимо тонуть. Глубину этой сентенции Валерий Плотников измерил лично.

— Я выполнил свою задачу. Сделал то, что должен был сделать: запечатлел современников, когда они были молоды и прекрасны. Этому веку я не нужен, у него свои певцы.

Плотников не страшится беспощадных истин. Он сгребает снег во дворе и вспоминает, как полвека назад помогал дворнику сбрасывать лед в Неву. Он показывает мне каштаны возле своего дома. Он рассказывает, что обязательно посадит махровую сирень на могиле Врубеля этой весной. И говорит:

«Я несчастливый человек!» ■

Плотников Валерий

24.02.05

330